

© 2018 г.

Н.П. ТАТЬШИНА

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС ПО ЗАПИСКАМ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I И ГРАФА Ш.-А. ПОЦЦО ди БОРГО

Татьянина Наталья Петровна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Отделения истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).

Польский вопрос в XIX столетии являлся одной из острейших международных проблем. Включение части польских земель вследствие разделов Польши в XVIII в. в состав Российской империи обусловило наиболее тесные общественные и культурные связи между народами России и Польши. В то же время польские восстания 1830–1831 и 1863–1864 гг. стали драматическими страницами нашей общей истории¹.

В основу написания данной статьи легли материалы Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Речь идет о «Собственноручной записке Николая о Польше», относящейся, как видно по ее содержанию, ко времени, предшествовавшему окончательному подавлению Польского восстания 1830–1831 гг.² Второй документ — «Записка Поццо, посвященная организации королевства Польского, представленная в 1814 г. его величеству императору Александру»³. Оба документа написаны на французском языке: Поццо русского не знал, Николай I часто писал по-французски.

Позиции императора Николая I и графа Шарля-Андре Поццо ди Борго, в 1814–1834 гг. занимавшего пост посла Российской империи во Франции, по Польскому вопросу были весьма близки. В том, о чем предостерегал Поццо ди Борго еще Александра I в 1814 г., Николай I убедился на практике, столкнувшись с Польским восстанием в 1830 г. С пиететом относившийся ко всему, что считал завещанием старшего брата, по поводу устройства Королевства Польского Николай Павлович с позицией Александра I был не согласен.

Компаративный анализ взглядов государя и дипломата является весьма продуктивным. Он позволяет несколько иначе взглянуть на личность императора Николая I, который зачастую воспринимался и современниками, и историками как идеалист, живущий в плену рыцарских принципов. Между тем анализ его записок по поводу Польского восстания дает возможность судить о нем как о политике весьма рациональном. Что касается Поццо ди Борго, то он всегда был убежденным прагматиком. Именно исходя из принципов прагматизма, он выступал против предоставления Царству Польскому широкой автономии в 1814 г.

¹ О Королевстве Польском и России см.: Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830. Отв. ред. С. М. Фалькович. М., 2010; Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. Отв. ред. С. М. Фалькович. М., 2016.

² Собственноручная записка Николая о Польше. — Российская национальная библиотека (далее — РНБ), Отдел рукописей, ф. 380, оп. 1, ед. хр. 53. Корф М. А., 1831–1874.

³ Там же, ф. 542, ед. хр. 699. Оленины. Полное название документа: «Записка Поццо, посвященная организации королевства Польского, представленная в 1814 г. его величеству императору Александру, когда этот искусный дипломат и государственный деятель находился на Венском конгрессе, где поляки интриговали при е. в., чтобы восстановить свое политическое государство, по плану, который они предлагали этому монарху».

Рационализм Николая I четко прослеживается и при анализе его взаимоотношений с гордым корсиканцем — Поццо ди Борго. Как известно, государь принимал важнейшие политические решения самостоятельно и не был склонен прислушиваться к мнению, не совпадавшему с его собственным. Между тем Поццо ди Борго, отличавшийся независимостью нрава и прямоотой суждений, вовсе не страдал болезнью, свойственной многим российским дипломатам, — преподносить информацию в соответствии с тем, что хочет услышать государь. С 1814 г. Поццо ди Борго проживал в Париже, в России собственности не имел и потому не боялся ее потерять. Николай, явно недолюбливавший Поццо ди Борго за его независимый характер, придя к власти, тем не менее, оставил его на посольском посту в Париже и только в конце 1834 г. перевел в Лондон. Показателен в этом отношении разговор, состоявшийся между императором Николаем и бароном Проспером де Барантом, в 1835 г. назначенным на пост посла Франции в России. Объясняя причину перевода Поццо ди Борго, царь сказал: «Это человек старой дипломатии; у меня нет никакой нужды в его хитрости и проницательности; мы не можем услышать друг друга [...] Меня не устраивает его манера поведения».

Наслышанный о том, что император недолюбливает Поццо ди Борго, Барант попытался защитить коллегу, отметив, что Поццо, как никто другой, знает Францию. «Францию — да, Россию — совсем нет, — возразил император. — Он пробыл в России всего-навсего четыре месяца, и это я заставил его приехать, дабы он хоть немного познакомился со страной и со мной; мне стало ясно, что мы никогда не поймем друг друга»⁴. Заметим, однако, что, как бы российский император ни относился к Поццо ди Борго, тот после 1825 г., времени восшествия Николая I на престол, еще девять лет оставался на своем посту: царь прекрасно понимал, что такой дипломат, как Поццо, нужен ему в сотрясаемой революциями Франции. Между прочим, в 1830 г. именно Поццо ди Борго в определенной степени убедил Николая I признать короля Луи-Филиппа и отказаться от идеи вооруженной интервенции во Францию. И только когда режим Июльской монархии обрел некоторую стабильность, Поццо был переведен в Лондон, а на его место назначен послушный государю генерал от кавалерии, генерал-адъютант граф П. П. Пален, не склонный к проявлению инициативы. Николай I так объяснил Баранту свое решение остановиться на кандидатуре Палена: «Он тот, кому я отдаю свое предпочтение, и он будет осуществлять дипломатию так, как я ее себе представляю, с военной безупречностью... Вы доставите мне большое удовольствие, сообщив, что его по достоинству оценили в Париже»⁵.

Если относительно Июльской революции Поццо удалось изменить настрой императора, то по Польскому вопросу их взгляды во многом совпадали изначально, а восстание 1830 г. для обоих стало настоящей трагедией.

Итак, начнем в хронологической последовательности с Венского конгресса. Как известно, разногласия по вопросу о судьбе Польши привели к развалу 1-й антифранцузской коалиции. Польский вопрос был камнем преткновения для союзников и на завершающем этапе наполеоновских войн. Еще в январе 1813 г. записку по польским делам предоставил Александру I граф К. В. Нессельроде, будущий вице-канцлер, а с 1845 г. — канцлер Российской империи. В этой записке Нессельроде утверждал, что умиротворение Польши посредством создания автономного Королевства Польского, не особенно укрепив положение России, будет иметь роковые последствия. Подобный шаг отдалит венский кабинет и одновременно спровоцирует недовольство патриотически настроенной части русского общества, полагавшей, что своим недавним поведением по отношению к России поляки не заслужили каких бы то ни было уступок. В более отдаленной перспективе самодержавному правителю России, писал Нессельроде, будет чрезвычайно трудно выполнять еще и функции конституционного короля Польши. Как полагал будущий канцлер, поскольку ничто и никогда не отнимет у польской элиты надежду на обретение независимости, конечным результатом

⁴ *Barante P. de. Souvenirs du baron de Barante. 1782–1866, t. 5. Paris, 1895, p. 243.*

⁵ *Ibidem.*

включения герцогства Варшавского в состав империи может стать утрата губерний, в которых преобладало польское население и которые на тот момент являлись частью западных приграничных территорий Российской империи⁶. Пройдет год с небольшим, и аналогичные идеи будут отстаивать в Вене Поццо ди Борго.

Польский вопрос на Венском конгрессе стал настоящим яблоком раздора для европейских держав, поскольку речь шла об интересах России, Австрии и Пруссии. Россия претендовала на территорию Великого герцогства Варшавского, созданного Наполеоном в 1807 г. и состоявшего из земель, после разделов Польши входивших в состав Пруссии и Австрии. Как справедливо отмечает современный английский историк Д. Ливен, согласно широко распространенному тогда мнению баланс сил в Центральной и Восточной Европе зависел от решения именно этого вопроса⁷. Поэтому против российского подхода к его урегулированию возражали все крупные государства: Пруссия и Австрия — так как речь в данном случае шла о польских землях, отошедших к ним по договорам XVIII в. о разделах Польши; Великобритания и Франция — потому что, по их мнению, это привело бы к нарушению европейского баланса сил в пользу России.

Император Александр I, увлеченный либеральными идеями и понимавший, что реализовать их он может только на окраинах империи, желал даровать Царству Польскому либеральную конституцию и установить там режим широкой автономии. Более того, рассматривавший всерьез идею федеративного устройства России и создания в ней представительных учреждений император полагал, что в рамках такого государства Королевство Польское смотрелось бы более органично, чем внутри существующей самодержавной империи⁸. Именно Поццо ди Борго Александр I поручил разработать конституционную Хартию для Польши. Однако вместо Хартии Поццо представил государю записку, в которой не побоялся выступить противником предоставления Польше широкой автономии. Настоящий дипломат, он просчитывал ситуацию на несколько ходов вперед и понимал, к чему может привести такое решение. «Записка» начиналась следующими словами: «Сир! Ваше императорское величество поручило мне представить Вам мои рассуждения по вопросу, касающемуся судьбы будущего устройства Польши. Я счел своим долгом повергнуть к Вашим стопам плод моих раздумий, движимый... опасениями, которые мне внушает важность и сложность этого вопроса»⁹.

Дипломат справедливо отмечал, что Польский вопрос необходимо рассматривать во всей «сложности и многогранности»¹⁰, учитывая тройной узел противоречий между Австрией, Пруссией и Россией, участниками разделов Польши. При этом Поццо ди Борго полагал, что интересы России должны восприниматься как интересы «доминирующей империи, имеющей права и приоритеты первого порядка». Кроме того, подчеркивал дипломат, при анализе Польского вопроса необходимо учитывать также и интересы самой Польши¹¹.

«Что сейчас подразумевается под наименованием Польша и польская нация»? — задается вопросом Поццо ди Борго. И отвечает: «6 млн жителей провинции Литвы, Волыни и Подолии подчинены Империи и управляются российской короной. 4 млн, сосредоточенные главным образом вдоль венгерской границы, стали подданными Австрии, составив самую существенную часть монархии, но самую трудную для управления. Территория, известная как герцогство Варшавское, включая столицу, было создано исходя из целей, враждебных России, и с намерением склонить всех остальных на свою сторону. Наконец, существует слабейшая часть, худшая, тяготеющая к России как к гаранту безопасности или как к средству контактов между государствами»¹².

⁶ Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012, с. 584.

⁷ Там же, с. 578.

⁸ Там же, с. 651.

⁹ РНБ, ф. 542, ед. хр. 699, л. 1.

¹⁰ Там же, л. 1об.

¹¹ Там же, л. 2об. — 3.

¹² Там же.

Поццо ди Борго подчеркивал, что начиная с 1792 г., т.е. со времени последнего раздела Польши, доминирующая идея поляков заключалась в создании независимого правительства, свободного от любого иностранного влияния, а также в формировании единого национального государства¹³. Соглашаясь, что идея создания национального государства «никого не должна удивлять, поскольку она соответствует природе человека и вещей»¹⁴, дипломат, однако, предостерегал: эта тенденция может представлять серьезную опасность для России в условиях наличия польского сейма и армии. Он опасался, что национальная идея станет знаменем, вокруг которого поляки объединятся в борьбе против России¹⁵.

Он отмечал также, что предоставление автономии Царству Польскому будет воспринято Пруссией и Австрией как крайне опасная мера: эти государства «увидят своих польских подданных в состоянии постоянной готовности к мятежу». А это в свою очередь приведет к сближению позиций Австрии и Пруссии в целях совместной борьбы с общей опасностью. Больше того, Австрия и Пруссия объединят свои усилия, чтобы вывести польские земли из-под власти России, добьются «конечной и абсолютной независимости Польши» и тем самым ослабят Российскую империю. «Все эти демарши будут направлены на достижение данной цели», — делал вывод дипломат¹⁶.

В своей «Записке» Поццо ди Борго предвосхищал принципы так называемой «политики интересов» («Realpolitik»), которой будут придерживаться великие державы во второй половине XIX в.: в международных отношениях нет вечных союзников, а договоры не являются нерасторжимыми. Эту идею, по мнению дипломата, «никогда нельзя сбрасывать со счетов в государственных вопросах». Поццо предостерегал императора Александра об опасности того, что Пруссия станет действовать, исходя из собственных интересов, забыв о прошлых благодеяниях со стороны России. Аналогично поступят и другие державы: «Англия без колебаний поддержит эту политику, Франция воспользуется обстоятельствами»¹⁷. Кстати, о том же в 1831 г. напишет в своей «Исповеди» и Николай I, негодуя относительно поведения Австрии и Пруссии после Июльской революции во Франции, когда они отказались от идеи совместной вооруженной интервенции во Францию с целью восстановления на престоле Карла X. По словам императора, эти державы забыли о помощи, оказанной им Россией. В самой драматичной форме с их «забывчивостью» Николай I столкнется уже перед Крымской войной, а позиция, занятая Австрией, станет для него настоящим ударом.

Поццо ди Борго ясно осознавал: в случае обострения Польского вопроса Россия окажется в состоянии международной изоляции, а Польша, «соблазнившись надеждами на окончательную и полную независимость, будет считать соответствующим своим интересам присоединение к Европе»¹⁸.

Преобразования, планируемые Александром I в Царстве Польском, Поццо ди Борго называл не иначе, как «настоящей революцией»¹⁹. «Ваше величество предлагает учредить в Польше национальное правительство под своей непосредственной и суверенной властью, предоставить части нации, находящейся под Вашей юрисдикцией, возможность составлять законы, администрировать финансы, урегулировать вопросы внутренней политики и содержать армию. Ваше величество хочет освободить территорию Польши от всякой иностранной военной силы, т.е. от всякой силы, за исключением России»²⁰, — писал он.

¹³ Там же, л. 3—3об.

¹⁴ Там же, л. 3об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, л. 3об. — 4.

¹⁷ Там же, л. 4—4об.

¹⁸ Там же, л. 4об. — 5.

¹⁹ Там же, л. 2.

²⁰ Там же, л. 1об. — 2.

При этом Поццо ди Борго был глубоко убежден, что предоставление полякам автономии и конституции будет серьезной политической ошибкой, и настаивал на том, что его прогнозы не являются «простыми спекуляциями»²¹. Он прекрасно просчитывал ситуацию и видел ее в перспективе. По его мнению, признаки зарождения будущих «кровавых потрясений» были очевидны уже при императоре Александре. Эти симптомы Поццо усматривал в «демонстративной оппозиции», которую российский император встречал «со стороны объединенной Европы». Он постоянно подчеркивал: в политике нет вечных союзников и принципов, а успешная политика России приведет к объединению против нее всей Европы²², «приостановит самое завистливое соперничество дворов и объединит самых разобщенных»²³.

Поццо ди Борго отмечал, что император Александр, конечно же, руководствовался самыми благими намерениями, искренне считая, что новое устройство Польши и конституция — это все, что «должно, напротив, успокоить тревогу, особенно после того как русские войска будут отозваны на старые границы империи»²⁴. Но, на взгляд дипломата, «это предположение не является реалистичным»²⁵. Кроме того, писал он, в таких условиях 200 тыс. русских штыков, находящихся в Польше для «наблюдения за тем, как поляки свободно распоряжаются своими делами... всегда будут восприниматься в качестве враждебной им силы»²⁶. Иными словами, их будут воспринимать как оккупантов.

«Таковы, сир, несоответствия, которые обнаруживаются тем больше, чем глубже погружаешься в изучение предложенного проекта, если рассматривать его в контексте отношений с иностранными державами»,²⁷ — делал неутешительный вывод Поццо ди Борго. По его мнению, Россия должна была проводить в Польше жесткую централизованную политику, а вовсе не предоставлять ей самоуправление: «Россия по отношению к Польше всегда вела себя как сильная и победоносная держава, действующая в стране, где сильной власти нет»²⁸. Поляки, считал дипломат, были деморализованы безграничной политической коррупцией, находились в состоянии постоянного возбуждения и были разделены на фракции. Власть же России являлась властью «прочной, искусной и укрепляющейся»²⁹.

Как известно по итогам Венского конгресса, несмотря на острую борьбу между державами, Россия добилась своего: она получила Великое герцогство Варшавское, Познань осталась в составе Пруссии, Австрия сохранила Галицию, а Краков был провозглашен «вольным городом». В составе России польские земли получили статус автономного Королевства (Царства) Польского. Как и в случае с Финляндией, это было сделано в нарушение исторического права. Территория Герцогства Варшавского никогда России не принадлежала, да и в этническом отношении (язык, религия) имела с ней мало общего. Отсюда во многом и проистекали будущие проблемы. Что касается административно-политического устройства, то Александр I поступил в соответствии со своим видением ситуации — даровал Польше Конституцию.

* * *

Как отмечает Д. Ливен, «довольно скоро противоречия между ролью, которую монарх исполнял как самодержавный царь, и его ролью конституционного короля Польши стали вопиющими»³⁰. Случилось это в революционном 1830 г. Еще до Июль-

²¹ Там же, л. 5.

²² Там же.

²³ Там же, л. 5об.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, л. 6.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, л. 6об.

²⁹ Там же.

³⁰ Ливен Д. Указ. соч., с. 651.

ской революции, в мае 1830 г., Николай I прибыл в Польшу на открытие первого в его царствование сейма — польского парламента. Цесаревич Константин называл это конституционное учреждение «нелепой шуткой», да и сам император в разговоре со своим чиновником Д. Н. Блудовым³¹ говорил: «Я понимаю республику — и я понимаю самодержавное управление; это честные и открытые отношения, mais la ponderation des pouvoirs, это вечная борьба, которая зарождает двоедушие и междоусобную моральную войну»³². Однако внешне все приличия были соблюдены, и в своей речи 16 мая Николай I объявил, что «с неподдельным удовольствием видит себя окруженным представителями народа» и что «поправки, которые они найдут нужным сделать к проектам законов, будут встречены благоприятно»³³.

Между тем благополучие было только внешним — уже зазвучали голоса оппозиции. Сопровождавший Николая шеф Третьего отделения граф А. Х. Бенкендорф отмечал, что в Царстве Польском самовластие Константина вызывало недовольство, а надежды поляков на перемены к лучшему исчезли. Да и сама палата депутатов не проявляла особенного желания к сотрудничеству. Николай Павлович чувствовал себя в Польше вдвойне неловко — и за себя, и за своего неуживчивого старшего брата. В итоге встреча конституционного монарха с народными избранниками закончилась, по словам Бенкендорфа, «миролюбиво, но довольно холодно». Холодность была обоюдной. Поляки разуверились в том, что Николай обуздает Константина. Неудивительно, что их надежды все больше связывались с собственным Тайным военным обществом³⁴.

Восстание готовилось давно, а опасения, что русские войска, отправляясь на помощь королю Нидерландов, вскоре наводнят всю Польшу, ускорила решимость заговорщиков. Узнав, что польская армия должна выступить вместе с русскими для подавления восстания в Бельгии, польская молодежь отказалась принимать участие в походе (который так и не состоялся). В ночь на 17 ноября 1830 г. группа учеников школы подпрапорщиков захватила резиденцию Константина — Бельведерский замок, после чего поднялся весь город. Константин, несколько дней стоявший лагерем под Варшавой, распустил большую часть польского войска, последовавшего за ним, и отошел с остатками своей армии к русской границе.

Известие дошло до Санкт-Петербурга лишь вечером 25 ноября. По первым донесениям невозможно было определить серьезность происходящего. Что это — ограниченный и плохо организованный заговор, как в случае с декабристами, или массовое народное движение? И что стало с Константином? Константин тем временем дошел до русской границы, откуда отправил брату отчаянное письмо: «Итак, плоды шестнадцатилетнего труда полностью разрушены молодыми младшими офицерами, студентами и компанией... Сердце мое сжимается: в пятьдесят один год, после тридцати пяти с половиной лет службы, я не думал, что моя карьера закончится столь плачевно»³⁵.

Сам же Николай писал брату 3 января 1831 г.: «Я желал бы видеть Вас спокойно водворившимся в Вашем Бельведере и порядок восстановленным повсюду, но сколько еще предстоит сделать, прежде чем быть в состоянии достигнуть этого. Кто из двух должен погибнуть, — так как, по-видимому, погибнуть необходимо, — Россия или Польша? Решайте сами. Я исчерпал все возможные средства, совместимые только с честью и моей совестью, эти средства исчерпаны, или, по крайней мере, ничто не

³¹ Д. Н. Блудов — министр внутренних дел (1832–1838 гг.), главноуправляющий Второго отделения (1839–1861 гг.), председатель Государственного совета Российской империи (с 1862 г.) и Комитета министров (с 1861 г.). Действительный тайный советник (с 1839 г.).

³² Воспоминания А. Д. Блудовой о Николае I. — Российский государственный исторический архив, ф. 711, оп. 1, д. 35, л. 17. Блудовы

³³ Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996, с. 262–263.

³⁴ Олейников Д. Николай I. М., 2012, с. 166.

³⁵ Цит. по: Труайя А. Николай I. М., 2002, с. 107.

может заставить меня поверить, чтобы их хотели там; что же мне остается делать?»³⁶. Как видим, для императора Николая это был вопрос жизни и смерти.

Николай I отозвался на восстание предложением о примирении — со всеми, кто «возвратился к долгу», как сообщалось в манифесте от 12 декабря. Он полагал, что Польша восстала только против дурного правления Константина и его окружения. Однако 13 (25) января 1831 г. восставшие объявили Николая I низложенным.

На «Постановление о детронизации» Николай I ответил манифестом, после чего сотысячная русская армия под командованием И. И. Дибича-Забалканского вступила в пределы Царства Польского. В середине февраля русские войска уже готовы были вступить в Варшаву. Сражение у стен польской столицы, при Грохове, Дибич почти выиграл, но в решающий момент наступление русских войск неожиданно для всех было остановлено. Бенкендорф считал, что Дибича остановил Константин, пожалевший своих бывших подданных — поляков. В результате момент был упущен, «резня» же растянулась на многие месяцы. А Дибич и Константин Павлович вскоре умерли от холеры: первый в мае, второй в июне 1831 г.

События в Польше вышли за пределы внутренней российской проблемы и стали объектом пристального внимания и политических дискуссий по всей Европе. Французское правительство даже выступило с предложением коллективного решения Польского вопроса, а именно — отправки в Россию делегации представителей европейских стран, чтобы, как писал Поццо ди Борго, «Его Величество услышал жалобы поляков и окончил это важное затруднение, если возможно, без кровопролития»³⁷. Кроме того, министр иностранных дел Франции граф О.-Ф. Себастьяни в разговоре с Поццо ди Борго заявил, что, хотя Польский вопрос является внутренним делом Российской империи, существование польского государства было гарантировано решениями Венского конгресса и, следовательно, Польский вопрос — часть европейского публичного права. Исходя из этого, делал вывод Себастьяни, если Россия примет меры, противоречащие договорам 1815 г., «другие государства будут вправе выступить против и рассматривать действия России как нарушение установленного статус-кво». Себастьяни выразил уверенность, что правительства Великобритании, Австрии и Пруссии будут солидарны с позицией французского кабинета³⁸.

Однако такие заявления французского правительства в значительной степени носили декларативный характер: в Париже хорошо понимали, что вооруженное вмешательство в защиту Польши чревато резкой дестабилизацией международных отношений и внутренней ситуации в самой Франции. Как уверял Поццо ди Борго, Луи-Филипп «никогда и ни под каким предлогом не вмешается в дела Польши». По словам российского посла, французское правительство, надеясь на успех миссии Мортемара (направленного в Россию в качестве посла Франции и пользовавшегося расположением царя), не могло придерживаться иной политической линии³⁹.

Предложения о посредничестве вызвали лишь раздражение у Николая Павловича, отвергавшего право европейских государств вмешиваться в дела России. В разговоре с поверенным в делах Франции в России бароном П. де Бургоэном император заявил: «Всякий хозяин у себя дома. Я не потерплю, чтоб кто-нибудь вмешался во внутренние дела моих владений... Я ни слова не хочу слышать от иностранных министров, английских, французских и других, по этому делу, которое касается меня одного»⁴⁰.

³⁶ Император Николай Первый. М., 2002, с. 182.

³⁷ Архив внешней политики Российской империи, ф. 133. Канцелярия министра иностранных дел, оп. 469, д. 197, л. 105. Донесение Поццо ди Борго от 1 (13) января 1831 г.

³⁸ Там же, л. 105об. — 106.

³⁹ Там же, л. 105об., 107об.

⁴⁰ *Бургоэн П.* Воспоминания барона Бургоэна. — Отечественные записки, 1864, т. 157, № 12, с. 851.

А далее добавил: «Я охотно выслушаю друга, но от французского посланника я ничего слышать не хочу»⁴¹.

Император так болезненно воспринимал поведение поляков еще и потому, что считал их неблагодарными, будучи искренне убежденным в том, что Россия сделала для Польши очень многое. «Покойный брат, — напомнил он Бургоэну, — осыпал их милостями; я религиозно уважал его дело. Что была тогда Польша, когда Наполеон и французы пришли туда в 1807 году? — пустыня грязи и песку. Мы построили в ней прекрасные дороги, прорыли главные каналы. В этой стране не было никакой промышленности — мы завели там суконные фабрики, развили обработку железных руд и создали в обширных размерах эту важную ветвь народной промышленности. Я увеличил и украсил столицу. Я открыл полякам все рынки моей империи до последних пределов азиатской России... Император Александр возвратил им название Царства Польского, чего сам Наполеон не смел сделать. Брат мой оставил им народное обучение на национальном их языке, их кокарду, их древние королевские ордена Белого Орла, св. Станислава, даже военный орден в память войн с нами и против нас. У них была совершенно отдельная от нас армия со своими древними национальными цветами. Им дали ружейные фабрики и пушечные литейни. Мы им дали все, что удовлетворяет интересы и льстит страстям справедливой народной гордости. Они не уважили всех этих благодеяний»⁴².

Еще в ходе подавления восстания 1830 г. Николай Павлович написал записку, где изложил свое видение польской проблемы. В этом документе он развивал мысли, созвучные идеям Поццо ди Борго. Сам ненавидевший поляков, Николай I был убежден: «Польша во все времена была соперником и самым безжалостным врагом России»⁴³. Это проявилось, по мнению императора, уже в ходе войны 1812 г., в которой на стороне французов участвовали и поляки, движимые чувством «ненависти и мести, воодушевлявшим их во всех войнах против России»⁴⁴.

Россия же, полагал Николай Павлович, вполне могла претендовать на польские земли, будучи одной из держав-победительниц. «Бог спас наше святое дело, наши армии завоевали Польшу, — писал он. — Это дело неоспоримо. В год 1815-й Польша была дана России по праву завоевания»⁴⁵. Как видим, Николай I так же, как и Поццо ди Борго, считал достаточно обоснованным вхождение Царства Польского в состав России, поскольку итоги войн были зафиксированы решениями Венского конгресса.

Политику императора Александра I по Польскому вопросу Николай Павлович никогда не одобрял. Он понимал, что его брат «стремился обеспечить интересы России, возродив Польшу как составную часть Империи, но с названием “Царство”, со своей администрацией и собственной армией. Он даже даровал ей конституцию, определявшую ее будущее состояние»⁴⁶. Александр I, по словам Николая, поступил по отношению к этой стране очень благородно, несмотря на «все то зло, которое Польша не прекращала причинять России»⁴⁷.

Первая цель императора Александра, по мнению Николая I, «заключалась в том, чтобы обеспечить интересы Российской империи, создав счастливую, процветающую Польшу под протекцией и с опорой на Россию»⁴⁸. Эта цель, отмечал он, была достигнута: «Эта маленькая страна, истощенная постоянными войнами, истерзанная своим стремлением следовать за революциями, постоянно переходить из-под одной власти

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, с. 851—852.

⁴³ РНБ, Отдел рукописей, ф. 380, оп. 1, ед. хр. 53. Корф М. А., 1831—1874, л. 2.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, л. 2. — 2об.

⁴⁷ Там же, л. 2об.

⁴⁸ Там же.

к другой, за истекшие 15 лет достигла процветания»⁴⁹. Благодаря России Польша обрела стабильную финансовую систему, позволявшую ей теперь воевать против России. Россия создала в Польше армию, «снабженную всем необходимым и с щедрым содержанием»⁵⁰. Однако «каков же результат для Российской империи?» — задается дальше вопросом император Николай. Его ответ далеко не оптимистичен: «Для ее (Польши. — *Н.Т.*) завоевания были принесены огромные жертвы, пусть и сопряженные с другими завоеваниями 1813 и 1814 гг. На протяжении 15 лет предпринимались значительные усилия для содержания армии, укрепления территорий и снабжения войск»⁵¹.

Подобно Поццо ди Борго, Николай Павлович был убежден, что поляки «думали больше чем когда-либо о том, чтобы выйти из-под власти империи. Поэтому при первой же искре эти провинции были готовы к бунту»⁵². Первый пример полякам подали в 1825 г. декабристы: «Пример был дан, и не трудно было предположить, что во время потрясений и всеобщих волнений эти идеи продолжают давать семена»⁵³. Вместе с тем, по верному замечанию Д. Ливена, само «восстание декабристов в 1825 г. во многом было вызвано тем, что патриотические чувства русских офицеров оказались задетыми, когда они увидели, что поляки получили свободы, которых не имела русская элита»⁵⁴.

В результате владение Польшей, по мнению Николая I, было не выгодно для России и с политической, и с экономической точки зрения, в частности, он писал, что «империя наводнена польской продукцией в ущерб своей собственной индустрии»⁵⁵. Россия, полагал император, «не может извлечь из Польши в том виде, в каком она существует, никакой реальной выгоды и, что еще более важно, нет даже никаких гарантий для империи, что в будущем она сможет спокойно владеть этой страной»⁵⁶. Его рассуждения сводились к тому, что «эта территория ничего не дает империи. Напротив, она может существовать только посредством постоянных дотаций со стороны империи для обеспечения нужд ее администрации. Очевидно, что выгод от этого неудобного владения нет никаких, есть только серьезные, даже угрожающие сложности»⁵⁷. Один плюс от владения Польшей Николай Павлович все-таки отмечал, и заключался он исключительно в «моральном эффекте»⁵⁸.

Исходя из этого, император делал следующий вывод: «Все то, что произошло и что еще происходит в Польше, со всей очевидностью доказывает, что время щедрости прошло, неблагодарность поляков отныне делает ее невозможной, и в будущих соглашениях, касающихся ее судьбы, все должно быть подчинено интересам России»⁵⁹.

Какой же выход предлагал Николай I в своей записке о Польше? Россия должна была сделать следующее: «Заявить, что русская честь была полностью удовлетворена завоеванием Польши, но что Россия не имела никакого интереса владеть провинцией, неблагодарность которой была столь вопиющей. Заявить, что истинные интересы России требуют от нее зафиксировать свои границы по Висле и Нареву и отказаться от остальных территорий, как недостойных ей принадлежать, возложив на своих союзников обязанность предоставить этим территориям такое управление, которое они пожелают»⁶⁰. Далее император писал: «Верная, однако, своим принципам, Россия

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, л. 2–3.

⁵¹ Там же, л. 3.

⁵² Там же, л. 3об.

⁵³ Там же, л. 3–3об.

⁵⁴ Ливен Д. Указ. соч., с. 651.

⁵⁵ РНБ, Отдел рукописей, ф. 380, оп. 1, ед. хр. 53. Корф М. А., 1831–1874., л. 3.

⁵⁶ Там же, л. 5–5об.

⁵⁷ Там же, л. 5об. — 6.

⁵⁸ Там же, л. 3.

⁵⁹ Там же, л. 4об.

⁶⁰ Там же, л. 6.

распространяет на часть королевства, остающуюся у нее, применение своих законов и учреждений в той степени, в какой они будут сопоставимы с ее будущими интересами. Что касается названия “Царство Польское”, то оно остается за этой частью страны»⁶¹. Как видим, Николай I предлагал вернуться к статус-кво, существовавшему после последнего раздела Польши в конце XVIII в.

В Польшу тем временем был направлен фельдмаршал И. Ф. Паскевич. Он прибыл к войскам в ночь с 13 на 14 июня и немедленно начал подготовку к наступлению. В начале августа русские войска обложили Варшаву. Главнокомандующий передал осажденным обращение Николая I, в последний раз обещавшего амнистию при условии добровольной сдачи оружия и подчинения императорской власти. Депутаты сейма отвергли это предложение. 7 сентября 1831 г. после 48 часов кровопролитного боя русские войска триумфально вошли в Варшаву.

С начала сентября первые полосы европейских газет отводились событиям в Польше. Когда 16 сентября 1831 г. парижские газеты сообщили о штурме Варшавы и поражении поляков, в Париже в течение нескольких дней происходили антирусские манифестации, для умирения которых потребовалось вмешательство войск.

Под окнами здания отеля, где располагалось русское посольство, раздавались крики: «Долой русских! Да здравствует Польша!». Люди из окружения Поццо ди Борго советовали ему покинуть Париж, но он решил остаться, тем самым сохранив дипломатические отношения между нашими странами. Как отмечал политический деятель Франции тех лет И.-Б. Капефиг, именно «умеренности и ловкости Поццо ди Борго мы обязаны сохранению отношений между двумя государствами»⁶². Но посольский особняк Поццо все же вынужден был на время покинуть. Посол Австрийской империи в Париже граф Р. Аппоньи записал в своем дневнике, что Поццо ди Борго пил чай, когда к нему явился эmissар префекта полиции и сообщил, что Поццо должен покинуть посольство как можно скорее. В ответ «посол красноречиво высказался о правах человека и о своем желании выпить чашку чаю, после чего ему пришлось искать спасения у мадам Монткальм»⁶³.

Поццо ди Борго воспринимал события в Польше крайне болезненно. В 1832 г., т.е. уже после подавления восстания, в разговоре с российским дипломатом П. К. Мейендорфом, вспоминая о том, что предвидел такой поворот событий еще в 1814 г., он сказал: «Я сейчас же объяснил императору (Александру I. — *Н.Т.*), на какой лживый путь он становится, и дал ему понять, что это решение не только было бы ошибкой, но и преступлением относительно России. Как можно было возвеличивать страну, бывшую злейшим врагом России, ту Польшу, которая была бы вечным нарывом не только для внутренних русских дел, но и для ее внешних отношений!? Враги России сосредоточили бы всю свою деятельность и все свои надежды на Польшу; наконец, что зло, которое должно было совершиться, стало бы непоправимым, что нельзя было нанести родине еще большего вреда, как при достижении этой цели»⁶⁴.

Каким было решение Польского вопроса после подавления восстания, когда император Николай был уверен в своих силах и воодушевлен победой русской армии? 14 (26) февраля 1832 г. был объявлен «Органический статут». Польша лишалась Конституции 1815 г., был распущен сейм, ликвидирована польская армия, отменено независимое управление. Польша становилась частью России с губерниями вместо традиционных воеводств. За ними оставалось лишь право на некоторые местные

⁶¹ Там же, л. 6—6об.

⁶² *Capéfigue I.-B.* Le gouvernement de juillet, les partis et les hommes politiques. 1830 à 1835, t. 2. Bruxelles, 1836, p. 220.

⁶³ *Apponyi R.* Les Français envient notre bonheur. Journal. 1826—1848. Présenté et annoté par Nicolas Mietton. Paris, 2008, p. 248.

⁶⁴ *Вел. кн. Николай Михайлович.* Из беседы Поццо ди Борго с бароном Мейендорфом в Вене в 1832 году. СПб., 1910, с. 2.

вольности⁶⁵. В соответствии с «Органическим статутом» в состав совета вице-короля вводились представители России. В Варшаве было объявлено осадное положение. Руководителей восстания и мятежных генералов сослали в Сибирь и лишили собственности, а их детей передали на воспитание в русскую армию. Делегация из 12 польских магнатов во главе с Антоном Радзивиллом принесла царю «благодарность» за проявленное великодушие, а польские знамена были вывешены в Казанском соборе.

На время урегулированный Польский вопрос оставался по-прежнему острым и в последующие годы царствования Николая I. Польская эмиграция, обосновавшаяся в Англии и Франции, стала постоянным источником антирусских настроений. В 1835 г. Европа была взбудоражена речью Николая I в Варшаве, произнесенной 5 октября в Лазенковском дворце перед депутацией польских горожан. В ней император заявил: «Если вы будете упрямо лелеять мечту отдельной, национальной, независимой Польши и все эти химеры, вы только накличете на себя большие несчастья. По повелению моему воздвигнута здесь цитадель, и я вам объявляю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город, я разрушу Варшаву и уж, конечно, не я отстрою ее снова». Николай I прибавил: «Мне тяжело говорить это вам, очень тяжело Государю обращаться так со своими подданными, но я говорю это вам для вашей собственной пользы. От вас, господа, зависеть будет заслужить забвение происшедшего. Достигнуть этого вы можете лишь своим поведением и своею преданностью моему правительству»⁶⁶.

Польское восстание стало для Николая Павловича наглядным примером того, чем грозят парламент и конституционная монархия. В завещании сыну Александру, написанном в 1835 г., он прямо велел: «Не давай никогда воли полякам; упрочь начатое и старайся довершить трудное дело обрусевания сего края, отнюдь не ослабевая в принятых мерах»⁶⁷.

В отчете III отделения за 1835 г. сообщалось: «Речь к полякам действительно возвеличила Государя в общем мнении русских. Нисколько не удивительно, что речь сия ни англичанам, ни французам не понравилась. Исказивши ее и дав ей превратный смысл, они наполнили журналы своими порицаниями, даже грубыми ругательствами. Одна из сих статей, быв по Высочайшему повелению перепечатана в нашей официальной газете, чрезвычайно всех изумила... Что же, говорили, заключает в себе речь Государя? Его Величество объявляет полякам, что не может верить изъяснениям их преданности; убеждает их не предаваться мечтам несбыточным; предупреждает, что он принял меры к воспрепятствованию им вновь бунтовать; советует им пребывать мирными гражданами и в таком случае обещает им защиту и покровительство могущественной России. Что же в этом худого?.. И из-за этой речи, в которой является лишь твердое намерение Государя сохранить должный порядок в подвластном ему государстве и в то же время желание сделать подданных своих счастливыми, английские и французские журналы вывели какую-то ужасную драму нынешнего времени, со всеми принадлежащими к ней ужасами: варварства, жестокости, тиранства и разрушения»⁶⁸. Как отмечалось в отчете, в общественном мнении России даже бытовало мнение, что «таковое действие не может оставаться без отмщения и что последствием сего будет война с Францией»⁶⁹.

О восприятии этой речи поляками в отчете говорилось: «Речь, произнесенная Государем в Варшаве, имела на поляков сильное и благотворное действие. Она привела их в крайнее уныние, но в то же время положила конец многим мечтам их. Впрочем, она не возбудила в них ни злобы, ни негодования. Они находили, что слова,

⁶⁵ Олейников Д. Указ. соч., с. 186.

⁶⁶ Император Николай Первый, с. 215.

⁶⁷ Там же, с. 214.

⁶⁸ Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. Сост. М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. М., 2006, с. 129–131.

⁶⁹ Там же, с. 130.

произнесенные Государем, строги, но вместе с тем признавали, что слова сии содержат в себе самую истину, и многие из них уверились, что от них ныне зависит поведением своим заслужить милостивое обращение к себе Государя»⁷⁰.

К концу 1830-х годов польская проблема вроде бы поутихла, однако на волне Восточного кризиса вновь актуализировалась. В отчете Третьего отделения за 1840 г. отмечалось: «Помещаемая ежегодно в адресе, подносимом Палатами королю французов, статья о восстановлении Польши год от году теряла свое значение даже в глазах самых восторженных и легковерных поляков. Они сами, наконец, убеждались, что включаемые в адрес выражения о симпатии французов к полякам суть одни простые фразы. Но в нынешнем году надежды их на это пробудились с прежнею силою после речи первого французского министра, маршала Сульта, который в Палате Пэров между прочим объявил, что французский кабинет самым молчанием своим относительно восстановления Польши не одобряет настоящий образ правления и порядок вещей в Царстве Польском. Слова Сульта разнеслись в Варшаве с быстротою молнии, произвели разные толки и воскресили все сумасбродные надежды патриотов. Более же всего обрадовала их повторенная многими французскими журналистами фраза, что “в глазах Франции Польша 1814 года не погибла”. Слова эти, при всей нелепости своей, произвели сильное впечатление на шаткие умы поляков, которые, по национальной гордости своей, думают, что эти слова суть выражение общего мнения всей Франции и будто один король Людовик Филипп противится восстановлению независимости Польши»⁷¹.

Как мы уже отмечали, проницательный дипломат граф Поццо ди Борго видел ситуацию в перспективе и считал, что польская автономия может принести России массу проблем. Можно согласиться с утверждением Д. Ливена, что «стратегия Александра по включению всей Польши в состав империи с одновременным наделением этой страны значительной автономией и либеральной конституцией являлась щедрой и изобретательной попыткой примирить требования российской безопасности с польской свободой и национальной гордостью. Политика Александра в конечном счете провалилась»⁷². Поццо ди Борго был мудр не задним числом, как это порой бывает с авторами мемуаров. Все то, что он наблюдал в 1830–1831 гг. и о чем с горечью говорил после подавления восстания, он изложил в своей записке Александру I еще в 1814 г.

Позиция, занятая императором Николаем I в Польском вопросе, также была прагматичной. Не одобрявший либеральных проектов брата, он был вынужден бороться с последствиями политики Александра I и с восстанием 1830–1831 гг. После принятия «Органического статута» серьезных выступлений польской шляхты на территории Российской империи, включая Королевство Польское, и значительных проявлений оппозиционных настроений уже не было⁷³. В то же время, как справедливо заметил современный исследователь О. Айрапетов, «польские восстания XIX века (1830–1831, 1863–1864) убедительно продемонстрировали полную бесперспективность диалога с местным дворянством»⁷⁴. Все усилия России урегулировать отношения со своей западной соседкой и извечной соперницей провалились.

Таким образом, как с точки зрения двусторонних отношений, так и в международном аспекте, взаимоотношения Российской империи и Королевства Польского в 1815–1830 гг. были весьма непростыми. Всё это понимали и отчетливо видели столь разные политики, как самодержавный правитель России Николай I и его посол, прагматичный и осторожный корсиканец Ш.-А. Поццо ди Борго.

⁷⁰ Там же, с. 132.

⁷¹ Там же, с. 228.

⁷² Цит. по: *Шевченко М.* «Возложить надежды на поколение новое». Как Николай I и министр Уваров давали Польше шанс. — *Родина*, 2013, № 3, с. 32.

⁷³ Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в., с. 13.

⁷⁴ *Айрапетов О.* Как восстание войной обернулось. Польский мятеж 1830–1831 годов: истоки и начало. — *Родина*, 2013, № 3, с. 27.